

Борьба за то, кто будет считаться реальным владельцем земли, развернется нешуточная
(С. 8)

Люди привыкли к незаконным доходам и не хотят возвращаться в правовое русло
(С. 4)

ДАГЕСТАН

№12 (123)
ДЕКАБРЬ 2015

Быть художником и оставаться дагестанкой...
(С. 20)

Я не буду говорить об ужасах большевизма, эти ужасы всем известны
(С. 12)

Был «расстрельщик» обычным тихим человеком, приветливый такой, вежливый
(С. 16)

Какая бы чистая ни была, и родниковая вода портится, если долго застаивается
(С. 23)

Все кругом только и делают, что женятся, женятся. Как будто нет других занятий
(С. 30)

Арбен Кардаш

ЧЕРЕП

ЛЕГЕНДА

Жил хан когда-то, говорят.
Был тут его карман,
Но он считал, что небогат, –
Был ненасытным хан.

Окрестный край завоевав,
Он грабил всех не раз.
Имел жестокий, хищный нрав
И пару алчных глаз.

И вот однажды слух примчал,
Сводя его с ума:
Пещера есть, в пещере – зал,
А в нем – сокровищ тьма.

Простого звания человек,
Собравший этот клад,
Был щедр – и в свой далекий век
Известен, говорят.

Но звался как и кем он был,
Уже забыл народ,
Который честь родных могил,
Увы, не бережет.

И хан рабам приказ отдал
Сурово как всегда:
«Скорей найдите этот зал!
Везите клад сюда!»

Тому, кто все отыщет там,
Дам золота сполна –
Сколь весит сам... Вдобавок дам
Кинжал и скакуна.

Недели хватит вам, рабам.
Не вздумайте тянуть,
Иль не носить голов ни вам,
Ни семьям вашим. В путь!»

И в путь отправились рабы.
Но им не дался клад, –
Кляня жестокий нрав судьбы,
Вернулись с гор назад.

И отыскали смерть свою
Роды земные их...
И кликнул деспот в том краю
Джигитов молодых.

И те, проворны и крепки,
Искали клад, – пока
Не погибали от руки
Бездушного князька.

Так цвет народа истлевал
В тот злополучный год.
Но воле хана не желал
Противиться народ.

Отвага с мужеством навек
Ушли из древних гор...
И все ж нашелся человек,
Отринувший позор.

У Шалбуздага на груди
Он жил в пустом селе,
И лишь могила впереди
Ждала его во мгле.

Но в горький час, когда сердца
Пресытились тоской,
Душа седого мудреца
Утратила покой.

Он знал секретные ходы
В глуши родимых мест,
Легко читал людей следы
И письма небес.

И, встав пред ханом, он сказал:
«Я знаю, где тот клад.
Я покажу чудесный зал,
О, хан! Ты будешь рад».

Скривился деспот: «Нищесброд,
Ты при смерти уже!
Не одолеть такой поход
Изношенной душе».

«Да, у небес лежит в горсти
Мой дух и часа ждет.
О, хан, тебе еще идти
До снежных тех высот.

Но не пойду я в горы сам.
Джигитов дай – таких,
Чтоб свято верили словам
Из слабых уст моих.

Я расскажу про дикий край,
Про неприметный путь...
А ты коней скорей седлай
И вьюки не забудь.

Зал золотой от глаз сокрыт
Внутри горы Алпан.
И лишь душа моя хранит
Пути надежный план.

Я был юнцом и в тайну гор
Нечаянно проник,
Но не забыл и до сих пор,
Как отыскал тайник.

На древней кручи высоту
Поднявшись, думал я
Про бесконечную тщету
Земного бытия.

Здесь властелина властелин
Теснит... И что с того?
Уступы гор и ширь равнин
Не помнят никого.

Но тут мне в голову пришла
Сказанья древних лет
О незабвенном Шарвили...
Он вправду был, иль нет?

Из тьмы веков дошло до нас
Преданье: бос и гол,
Раздав добро, в свой смертный час
К Алпану он ушел.

И отыскать я захотел
Тот камень, или куст,
Где вздох последний отлетел
От незабвенных уст.

И выше я решил идти
Без карты и дорог...
О, сколько я блуждал в пути!
Чего не превозмог!

И, наконец, в седом краю
С мечтою на челе
Пришел, увидев цель свою,
К разрубленной скале.

К той глыбе, что хранила жар
Замаха сгоряча,
К той, что попала под удар
Геройского меча.

Я подошел, скрывая страх,
К подножию высот
И тут заметил щель в камнях,
Как будто в гору вход.

Он вел во мглу, или в провал,
А рядом, напоказ,
Торчал валун – и щель скрывал
От любопытных глаз.

Я, трепеща во мглу пошел,
Под свод пролез ползком...
О, чудо! Там был гладкий пол
И стены с потолком!

Трут и кремень – мои друзья
Явились из сумы.
Кремнем о стену чиркнул я,
Зал выхватив из тьмы.

Лучинку тонкую достал,
Услышав сердце вдруг:
На всю округу грохотал
Его громовый стук.

Лучина вспыхнула – и зал
Лучами засверкал...
О, сколько золота скрывал
Огромный этот зал!

Коснулось что-то ног моих.
Я вскрикнул – череп! Он
Иссохший слепок черт людских
Нес из былых времен.

Чернели дыры вместо глаз,
Пугая и маня.
Но свет, который все не гас,
Оберегал меня.

Я поднял свиток из-под ног
Пергаментный... На нем
Алпанских слов старинный слог
Глаза мне жег огнем:

«Я, Шарвили – хозяин слов,
Читаемых тобой.
Они – завет земле отцов,
Что нам дана судьбой.

А этот клад ты потрудись
Не тратить второпях.
Я собирал его всю жизнь
На праведных путях.

Ни у кого не отобрал
Богатств, лежащих здесь...
Зачем сложил их в этот зал?
Чтоб до людей донести!

Чтоб мой народ не знал нужды
В грядущие года,
Чтоб дух его не знал узды
Нигде и никогда!

Пусть к ним никто не тянет рук.
Ведь, что ни говори,
Они – ничьи... И ты, мой друг,
За этим присмотри.

И клад заветный передай
Тому лишь из владык,
Кто справедлив и отчий край
Тиранить не привык.

Но коль земной алчбы порок
Не будет чужд ему,
Взяв череп, преподай урок
Правителю тому.

Был череп этот головой
Корыстного царя.
Мне дервиш дал его слепой,
За грош благодаря...»

Алпанских слов старинный лад
Мне в душу тек как мед.
Конец гласил: «Нашедший клад
Пусть череп заберет».

Я помню тайну древних гор,
Слова держу в уме.
А белый череп с этих пор
Храню в своей суме...»

Хан глянул косо: «Сколько грез
У нищего в душе!
Как много слов ты произнес!
Я в ярости уже!

Где Шарвили? Какой Алпан?
Все наболтал ты мне!
Богатства в зале... Ты, болван,
Увидел их во сне!»

«Мне не присуща лживость, хан.
Все было точно так.
Был Шарвили, гора Алпан –
Наш древний Шалбуздаг».

И все ж не верил ханский взгляд
Бесхитростным словам.
«А отчего ты этот клад
Не прикарманил сам?»

«О, хан, со скудостью вдвоем
Живем мы много лет.
В душе моей, в уме моем
К богатству тяги нет.

Калечит золото испокон
Нам душу, портит ум.
Спокойный дух и крепкий сон
Теряет толстосум».

Смиранный выслушав ответ,
Хан ухмыльнулся: «Так,
Но почему же ты завет
Не выполнил, бедняк?»

Коль должен быть чудесный зал
В достойнейших руках,
То почему о нем не знал
Высокоchtимый шах?»

«О, хан, про жизнь владык земных
Все ясно старику...
Я справедливых среди них
Не видел на веку.

Когда земная власть летит
В их руки, в тот же миг
Теряет совесть, честь и стыд
Любой из тех владык.

Богаче станет – нрав лютей:
Природе вопреки,
Во рту кривые, без костей,
Змеятся языки.

Торгуя Истиной вразвес,
Не зная цену ей,
Нос задирает до небес
В убогости своей.

И топчет дух высокий свой,
И верит только в плоть,
Стремясь на бедности людской
Муку себе смолоть...

Ну, мог ли я сказать про зал,
Про чудный этот клад
Тем, кто на алчность променял
Души священный лад?»

Хан улыбнулся: «Речь твоя
Приятна. Ты – мой гость...
Приличней всех, выходит, я?
Решение нашлось!

Так подскажи рабам моим:
Как ехать напрямиком
До места? Ведь негоже им
Идти туда пешком.

Чтоб одолеть любой подъем
Без лишней маеты,
Я дам коней – им нипочем
Все горные хребты.

Ну а тебе не по годам
Опасные пути.
Ты нарисуй лишь карту нам,
Рукою начерти!»

Но старец молвил: «Я в долгу
У неба и земли,
И не исполнить не могу
Завета Шарвили.

Сначала череп даст урок
Тебе, сначала ты
Узнаешь тайну древних строк,
Уйдя от слепоты...»

И алчный лик без глаз и губ –
Посланник вечной тьмы, –
Изъеден молью, сух, беззуб
Явился из сумы.

Его глазниц пустая жуть
Молчала до поры,
Но было страшно заглянуть
В две черные дыры...

Мудрец продолжил: «Старшинство –
За Истиной. Вели
Весы поставить. Таково
Условье Шарвили.

Уже несут? Отлично! Ну,
Начнем же поскорей.
Тут есть две чаши – на одну
Кладу я череп сей.

А на другую – прямо здесь
Кинь золота с лихвой.
Две чаши, хан, уравнишь –
И ключ от зала твой!

Но уговор: твоя казна
Из чаши той пойдет
На то, чтоб славить имена
Погибших за народ».

А хану, потному насквозь,
Дух алчный грыз кишки.
«Ну, что там весит эта кость, –
Он мыслил, – пустяки!

А вдруг и впрямь весь этот бред
Угоден небесам?»
И тут же пригоршню монет
Насыпал в чашу сам.

Но то ли малой дань была,
То ль череп был тяжел, –
Но чаша хана вверх пошла,
А череп вниз пошел.

Хан повелев весы сменить,
Побольше подыскать.
Но чашу злата опустить
Не удалось опять.

Взбешенный деспот крикнул: «Нет,
Не может быть того!
Скажи, бродяга: в чем секрет?
Ведь это ж волшебство!»

Но помрачневший старикан,
Качая головой,
Промолвил: «Это значит, хан,
Что древний клад – не твой!

Немудрено. Ведь ты – злодей.
В земле моих отцов
Ты плоть живую рвешь с людей,
Как коршун с мертвецов.

И хоть до неба вознеслись
Твои мечтанья, ты –
Всего лишь череп, зрящий вниз
С неверной высоты.

Но, чтоб о жизни и судьбе
Задуматься ты смог,
Старинный череп даст тебе
Еще один урок...»

Умолк, стыдясь рабов своих,
Жестокий сумасброд.
Ужель теперь в глазах людских
Его презренье ждет?

Меж тем земли нагреб старик –
И черепу без слов
Набил землею в тот же миг
Глазницы до краев.

«Гляди же, хан, и не дрожи, –
Сказал он, – в этом суть.
Клади опять свои гроши,
Но положи чуть-чуть».

Монетка звякнула. Привстав,
Правитель побледнел:
Монетка вниз пошла стремглав,
А череп вверх взлетел.

И деспот в ужасе вскричал,
Опомнясь, наконец:
«Теперь он снова легким стал!
Но почему, мудрец?»

«О, хан! Коль в сердце погран стыд,
То Божьему рабу
Лишь прах могильный утолит
Несытую алчбу.

Она ползет сквозь жадный рот
И в плоть, и в кости... Ведь,
Пока он в землю не сойдет,
Все будет вождельть.

И потому любой из нас
Обязан, честь любя,
Смирять безумство алчных глаз,
Обуздывать себя.

А тот, кто злых желаний зов
Стыдливо не уймет,
Пускай покинет отчий кров
И странствовать идет.

Пусть корку черствую жует,
Лишь рубищем покрыт.
Пусть нищим дервишем живет,
Но совесть сохранит.

О, хан! Когда любой пойдет
К стяжанию в полон –
Как сохранит свой дух народ,
Свободный испокон?

Как будет жить? Ответ дают
Заветы Шарвили:
Разбогатевшего спасут
Две горсточки земли.

Пускай помажет он глаза
Себе землей живой –
И просветлеют небеса
Над гордой головой.

Богатства нас не утолят,
А небеса щедры.
Приносят в душу свет и лад
Небесные дары...»

Умолкнул старец и в простор
Ушел – как свет во тьму.
Унес с собою тайну гор
И с черепом суму.

Где бродит он, в каком краю
Звучат его слова,
Куда несет суму свою, –
Не говорит молва.

Зато о хане слух большой:
Он, получив урок,
Стал суфием в стране чужой,
И сан его высок...

Преданье это я слышал
В горах моей земли.
Оно чудесно, словно зал
С дарами Шарвили.

Но тот, кто целый мир живой
В рот положить готов,
Пускай пропустит норы свой
Сквозь сито этих слов.

Пусть помнит он, что в некий миг,
В какой-то день и год
К нему придет седой старик
И череп принесет.

Перевел с лезгинского
Евгений ЧЕКАНОВ